

Уязвимость —
это не слабость.
Это выбор сердца.
И я заставляю её
заплатить за него.

Цена УЯЗВИМОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЕРИ М.

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мери М

Цена Уязвимости

<https://litres.ru/74358783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её с детства растили как принцессу мафии — красивую игрушку и разменную монету в мужских играх. День помолвки с нелюбимым женихом должен был стать очередной сделкой, но превратился в кровавую бойню. Жених мёртв, а на его месте стоит он — Данте Моретти, безжалостный дон итальянской мафии Чикаго.

Он явился не просто убить, а забрать то, что счёл своим по праву. Её. В мире, где правят сила и жестокость, он не спрашивает согласия. Он просто надевает кольцо на её палец, объявляя своей женой. Но что движет этим опасным человеком: расчётливое желание завладеть «принцессой» вражеского клана или тёмная, всепоглощающая одержимость? И сможет ли она остаться собой, когда её сердце начнет биться в ритме, заданном самим дьяволом?

Содержание

Глава 1. Мери	4
Глава 2. Мери	20
Глава 3. Мери	38
Глава 4. Данте	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мери М

Цена Уязвимости

Глава 1. Мери

— Ты до сих пор спишь?

Звонкий голос Даффи ворвался в мое сознание, безжалостно выдирая из липкой темноты сна. Она была моей лучшей подругой. Единственной, кому я позволяла видеть себя растрепанной и уязвимой. Но в такие моменты, на грани рассвета, когда тяжелые шторы еще не пропускали ни луча солнца, я была готова свернуть ей шею.

— Ну, Мери, — ее тон стал умоляющим, пальцы решительно сжали край шелкового одеяла. Она тянула его вниз, обнажая мои плечи для прохладного воздуха спальни. — Пожалуйста, вставай. Ты же знаешь, что будет.

Я знала. Знала слишком хорошо. И вроде не нуждалась в напоминании.

В голосе Даффи звенел неподдельный страх. Не за меня — за себя. Она моя служанка. Формально. Это слово резало слух, потому что оно совершенно не отражало того, что между нами было. Мы росли вместе в этом особняке из черного камня, делия секреты и слезы. Она самое дорогое, что у меня есть, мой якорь в этом мире, где за нашу дружбу её

могли бы наказать. Если я не встану, отвечать придется ей. Таковы правила, безжалостные и несокрушимые, как законы подземного мира, к которому принадлежала моя семья. Хотя семья — это громко сказано.

— Который час? — проворчала я, переворачиваясь на другой бок. Мышцы все еще ныли после вчерашней тренировки с Лукой, и каждое движение отдавалось тупой болью. Мне хотелось лишь одного: чтобы мир подождал еще немного, чтобы реальность, полная обязательств и грядущего кошмара, отступила.

Но Даффи, как и все в этом городе, знала, что время — это роскошь, которую мы не могли себе позволить.

— Почти шесть, — выдохнула Даффи, и в ее голосе послышалось едва уловимое облегчение. Она знала: если я начала задавать вопросы, значит, самый опасный момент миновал. — Николай Петрович вернулся час назад. И Владимир с ним.

Сон слетел с меня мгновенно, будто кто-то выдернул чеку из гранаты, оставив лишь оглушительную, звенящую пустоту. Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле, удушливое и тяжелое. Владимир. Одно это имя скручивало внутренности в тугой, ледяной узел. Мой будущий жених. Мужчина, которого дядя прочил мне в мужа с той самой минуты, как мой отец истек кровью на бетонном полу ангара. Мужчина, чей колючий, оценивающий взгляд я чувствовала на себе каждый раз, когда он появлялся в особняке.

Официальной помолвки еще не было. Но это ничего не значило. В нашем мире слово Николая Петровича было законом, высеченным на граните. А он уже все решил.

Я резко села на постели. Тонкий шелк простыней соскользнул вниз, и холодный воздух спальни коснулся обнаженных плеч. Даффи тут же метнулась ко мне, принимаясь поправлять подушки за спиной — ее движения были отточены годами службы, но руки предательски дрожали.

— Они ждут тебя к завтраку, — прошептала она, пряча глаза. Она знала. Знала каждую темную мысль, которая сейчас билась в моей голове, словно пойманная птица.

Николай Петрович. Мой дядя. Мой опекун. Мой тюремщик. Человек, который забрал меня в свой дом после смерти отца — якобы из милосердия. Но я слишком рано поняла, что милосердие здесь ни при чем. Я была активом. Разменной монетой в его большой игре. И Владимир — мой будущий муж — был ставкой, которую Николай Петрович намеревался сорвать любой ценой.

— Пусть ждут, — бросила я, но слова прозвучали пусто, словно выстрел холостым патроном. Мы обе понимали, что это бравада. Никто не заставлял ждать Николая Петровича. Его власть здесь была абсолютной, пропитанной кровью, страхом и старыми деньгами. А Владимир... что ж, этот человек с холодными глазами цвета балтийского льда и змеиной улыбкой внушал мне ужас куда более темный и первобытный. Он не просто ждал — он наблюдал. Всегда.

— Мери, не надо, — Даффи схватила мою руку, и ее пальцы оказались ледяными. Ее страх был реальным, осязаемым. Она-то знала, на что способны эти люди. — Не делай глупостей. Пожалуйста. Прошу тебя.

Я сжала ее ладонь в ответ, чувствуя, как внутри разгорается ярость. Ярость на дядю, который распоряжался моей жизнью, словно я была вещью из его коллекции. Ярость на Вадима, чье молчаливое присутствие давило на меня, как удавка, медленно затягивающаяся на шее. И горькую, обжигающую ярость на саму себя — за то, что я была беспомощна в этом жестоком, мужском мире, где женщины были лишь пешками.

— Ладно, — выдохнула я, отпуская ее руку и поднимаясь с кровати. Мраморный пол обжег ступни могильным холодом, но этот холод помог мне собраться. — Помогите мне одеться. Выбери что-нибудь красное. Пусть эти ублюдки знают, что во мне еще остался огонь.

Даффи слабо улыбнулась, но в ее глазах по-прежнему плескался страх. Страх за меня. Страх перед Николаем и его стальным кулаком. Страх перед Владимиром, чья репутация бежала далеко впереди него — шепотом в темных коридорах, кровавыми пятнами на чьих-то белоснежных рубашках. Этот страх и был нашим самым надежным союзником. Потому что он напоминал: в доме моего дяди нельзя терять бдительность. Ни на секунду.

В этом доме с женщинами никогда не считались. Это не

было открытием, ударом под дых или болезненным разочарованием — это была аксиома, с которой я, кажется, родилась. Истина, впитанная с молоком матери, умершей слишком рано, чтобы успеть научить меня чему-то, кроме смирения. Поэтому холодное, пренебрежительное отношение мужчин нашей Братвы никогда не было для меня сюрпризом. Как и для любой другой женщины в этом проклятом, жестоком мире, где наши жизни ценятся чуть меньше, чем патроны в обойме, и чуть больше, чем породистая лошадь.

Мужчины смотрят на нас сквозь призму собственности. Мы — не люди с душой, мечтами и сердцем, способным разбиваться на тысячу осколков. Мы — игрушки, искусно вырезанные из дорогого фарфора. Трофейные жены, чья красота лишь подчеркивает статус хозяина. Сосуды, драгоценные инкубаторы, единственное предназначение которых — вынашивать наследников. И ничего больше. Этот список исчерпывающий, и горе той, кто попытается выйти за его пределы.

Ни для кого в нашем замкнутом кругу не было секретом, что жены в нашей среде рожают детей каждый год. Без передышки, без жалости, без права спросить: «А хочу ли я этого?». Беременность, роды, снова беременность — и так до тех пор, пока измученное тело не откажется служить или пока смерть, сжавшись, не заберет женщину из этого бесконечного круговорота боли. Моя мать успела родить только меня. Один раз. И её тело, такое же хрупкое, как и её поло-

жение в доме моего отца, не выдержало. Она угасла, оставив меня одну в этом волчьем логове, так и не подарив отцу самого желанного дара — сына.

Именно на этой почве мой отец не смог удержаться во главе Братвы. Власть утекала сквозь пальцы, потому что у него не было наследника мужского пола, который встал бы рядом с ним и продолжил его дело. А завести женщину на стороне, любовницу, которая родила бы ему мальчика, он отказался. Из какой-то извращенной гордости или, возможно, из нежелания осквернять память моей матери, он остался верен призраку. Может быть, зря? Эта мысль, острая и запретная, часто пронзает мое сознание в минуты полного одиночества. Возможно, если бы у меня был брат, пусть даже бастард, моя жизнь не была бы такой серой и удушающе унылой. Возможно, на меня не давил бы так сильно груз несбывшихся надежд и тайных, невысказанных обвинений в том, что я родилась не того пола.

Мне уже есть 18 лет, но у меня нет возможности учиться по-настоящему. Настоящее образование — это роскошь для мужчин, которым нужно управлять империями. Мой удел — саморазвитие, строго дозированное и направленное в нужное русло. Хотя, опять же, тут как посмотреть. Мой арсенал навыков мог бы вызвать зависть у любой выпускницы элитного пансиона. Я свободно говорю на шести языках: русском, английском, итальянском, украинском, французском и португальском, — ведь жена Дона должна уметь поддержать бе-

седу на любом приеме и понимать речь потенциальных союзников или врагов. Мои пальцы летают по клавишам пианино и извлекают из скрипки звуки, способные исторгнуть слезу, — идеальный аксессуар для званого вечера. Ежедневно я провожу часы в обществе известных художников, оттачивая мазок кисти и понимание композиции. Ведь жена главы Братвы обязана уметь всё, чтобы быть живым произведением искусства в его коллекции. Не так ли?

Но, конечно, я никогда не стану среднестатистической женой, скажем, обычной русской семьи. Мои руки не узнают запаха лука на разделочной доске, я не буду стоять у плиты и намывать полы. Моя жизнь лишена этого простого, унижительного, но в чем-то даже свободного труда. Моя задача гораздо изощреннее. Она заключается лишь в том, чтобы быть идеальной гейшей в золотой клетке: ублажать своего будущего Дона во всех смыслах, быть его молчаливой опорой, не стареть раньше времени, не перечить и, подобно породистой кошке, рожать ему мальчиков. Много мальчиков. Ах, да. И, разумеется, пару девочек. Зачем, спросите вы? Чтобы у Дона была разменная монета для урегулирования конфликтов. Это гениальная и чудовищная в своей циничности система. Начинается война, которая уносит сотни, а то и тысячи жизней, заливая улицы кровью и пеплом. И самый простой, самый элегантный способ положить ей конец — это свадьба. Мою будущую дочь, такую же пленницу судьбы, как и я, просто отдадут в дом врага. Её тело станет печатью на мирном

договоре, мостом через пропасть ненависти. Удобно, правда? Пиздец, как удобно.

И да, я знаю, что сквернословие — это грех. Тяжкий, непростительный для девушки моего положения. Подобные грязные, рубленые слова вы никогда не услышите из уст благородных жен. Мы — фарфоровые куколки, из которых вытекает только мед и молоко, а не горечь и желчь. Мы шепчем молитвы, а не проклятия. По крайней мере, вслух. Но мои мысли — это последнее убежище, которое у меня не смогли отнять. И в этом убежище я могу называть вещи своими именами.

Мои туфли стучали по мраморным ступеням, и этот звук эхом разносился по огромному холлу — размеренный, глухой, похожий на биение сердца приговоренного к казни. Лестница была произведением искусства: белый итальянский мрамор с серыми прожилками, кованые перила с позолотой, хрустальная люстра над пролетом, которая стоила больше, чем годовой бюджет небольшой компании. Дядя всегда любил роскошь. Он купался в ней, упивался ею, выставлял напоказ, словно дорогую шлюху на аукционе. Жить не по средствам было его вторым именем, его религией, его главным грехом и единственным удовольствием.

Но на меня он денег жалел.

Я давно перестала обижаться на это. Обида — удел тех, у кого есть надежда. А я свою надежду похоронила много лет назад, в тот самый день, когда дядя впервые дал мне понять,

что я здесь не семья. Я — обуза. Инструмент. Актив, который однажды принесет прибыль. Мои платья никогда не были от кутюр, мои украшения — лишь дешевая бижутерия, которую он позволял мне носить, чтобы не позорить фамилию. Даже комната, в которой я жила — самая дальняя в восточном крыле, — была обставлена остатками мебели, которую он счел недостойной собственных покоев.

Я привыкла. Привыкла экономить на себе, привыкла улыбаться, когда хотелось кричать, привыкла быть тенью в собственном доме. Но это не делало боль менее реальной. Просто она стала фоновой — как шум старого холодильника, который уже не замечаешь, пока он не выключится.

Я спустилась на первый этаж, и в нос ударил запах. Тяжелый, металлический, удушающий. Порох, смешанный с кровью — этот аромат я узнала бы из тысячи. Он вьелся в стены особняка, в тяжелые портьеры, в персидские ковры ручной работы. Иногда мне казалось, что даже еда здесь имеет привкус железа. Было всего лишь восемь утра — слишком рано для насилия по меркам обычных людей. Но мое окружение обычным не было. Здесь, в мире русской братвы, кровь проливали в любое время суток, не сверяясь с часами. Смерть не имела расписания.

Я поморщилась, прикрывая нос рукой, и тут же одернула себя. Не показывать слабость. Никогда. Ни при ком. Это первое правило выживания в доме Николая Петровича.

«Когда-нибудь я избавлюсь от этого, — подумала я, осто-

рожно ступая по мраморному полу в направлении столовой. — Когда-нибудь я проснусь в доме, где пахнет кофе и свежей выпечкой, а не смертью».

Ложь. Я лгала себе, и мы обе это знали — я и та часть меня, которая еще не до конца онемела. От судьбы не сбежишь. Моя судьба была предрешена в тот момент, когда мой отец сделал свой последний вдох. Может быть, даже раньше — в тот момент, когда он впервые связался с братом, не понимая, что этот союз будет стоить ему жизни. А мне — свободы.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь столовой и вошла. Разговоры мгновенно стихли.

— Мери, прекрасно выглядишь, — протянул Владимир, и его голос скользнул по моей коже, словно маслянистая, липкая субстанция, от которой невозможно отмыться.

Он сидел на том же месте, что и всегда — справа от дяди, вальяжно откинувшись на спинку стула, и его светло-серые глаза медленно, методично прошлись по моему телу. От туфель на низком каблуке — единственных приличных, что у меня были, — до скромного выреза темно-красного платья, которое я носила уже третий год, потому что дядя отказывался выделять деньги на обновление гардероба. Взгляд Владимира задержался на моей груди, затем на талии, затем на бедрах, и я физически ощутила, как он раздевает меня, слой за слоем, не торопясь, смакуя каждую деталь.

Он уже представлял нашу первую брачную ночь. Я видела это в том, как подрагивали уголки его губ, как расшири-

лись зрачки, поглощая серую радужку, как его пальцы медленно поглаживали ножку бокала — собственническим, интимным жестом, от которого к горлу подкатывала тошнота.

Я же думала о том, где найти веревку и мыло. И о том, что в этом чертовом особняке даже сарая нет — я проверяла. Дядя снес все хозяйственные постройки еще пять лет назад, чтобы расширить гараж под коллекцию автомобилей, которые он разбивал с завидной регулярностью. Очень жаль. Очень.

— Всем доброе утро, — произнесла я ровным, безжизненным голосом.

Мои движения были отточены годами практики до автоматизма. Я двигалась, словно заводная кукла: спина прямая, подбородок вздернут ровно настолько, чтобы не выглядеть вызывающе, руки сложены перед собой. Дворецкий Билли — сухой, молчаливый старик с лицом, не выражавшим эмоций последние лет сорок, — бесшумно отодвинул для меня стул. Я села, расправив юбку, и подняла глаза.

Прямо напротив меня сидел Владимир.

Я сама выбрала это место полгода назад, когда поняла простую истину: дышать перегаром Николая Петровича, который к завтраку уже успевал опрокинуть пару стаканов виски, было куда хуже, чем выдерживать голодное внимание жениха. Дядя пил. Пил много, пил часто, и запах, исходивший от него по утрам, был настолько густым и едким, что у меня начинали слезиться глаза. Вадим, по крайней мере, пах до-

рогим парфюмом и выдержкой. Холодной, расчетливой выдержкой хищника, который знает, что добыча уже в клетке.

— Завтра благотворительный вечер, — произнес Владимир, и это прозвучало как приговор. Не вопрос. Не предложение. Факт, не подлежащий обсуждению. — По случаю нашей помолвки.

Он сказал это так буднично, словно речь шла о погоде или котировках акций. Нашей помолвки. Эти два слова резанули меня изнутри, оставляя кровоточащие раны, которые никто не увидит, потому что я давно научилась прятать боль за вежливой улыбкой.

— Я помню, — ответила я, растягивая губы в той самой улыбке — застенчивой, кроткой, идеально выверенной. — Спасибо.

«За что? — билось в голове. — За то, что превращаешь мою жизнь в ад? За то, что покупаешь меня, как племенную кобылу на аукционе? За то, что завтра я стану твоей собственностью официально, с кольцом на пальце и цепью на шее?»

Я представила сарай. Темный, пыльный, с балками под потолком. В моем воображении он был идеальным убежищем — местом, где можно спрятаться от всего этого кошмара, где веревка и мыло решили бы все проблемы раз и навсегда. Но сарая не было. А даже если бы и был — я знала, что не смогу. Не потому, что боялась смерти. Нет. Я боялась, что смерть окажется не концом, а лишь переходом в другую форму су-

ществования, где дядя и Владимир снова найдут меня.

Да кого я обманываю? От судьбы не сбежишь.

— Я отпросил тебя у Николая Петровича на сегодня,
— Владимир прокашлялся, прочищая горло, и его взгляд стал пристальным, требовательным. Он смотрел на меня так, словно я была интересной головоломкой, которую ему не терпелось разобрать по кусочкам. — Нам необходимо выбрать и купить кольца. Я подумал, что ты захочешь в этом поучаствовать.

Он подумал. Какая трогательная забота. Он, должно быть, гордился собой — великодушный жених, который позволяет невесте самой выбрать символ ее пожизненного заключения. Я почти рассмеялась. Почти.

— В этом нет необходимости, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично. — Я полностью доверяю вашему вкусу.

И это было правдой. Мне действительно было все равно. Какая разница, как будет выглядеть кольцо на моем пальце? Золото, платина, бриллиант размером с горошину или скромная полоска металла — суть не изменится. Это будет клеймо. Метка собственности. Напоминание о том, что я принадлежу ему — телом, душой и фамилией.

В тот же момент дядя резко поднялся из-за стола.

Его стул отлетел назад, проскрежетав по мраморному полу с таким отвратительным звуком, что я инстинктивно вжала голову в плечи. Николай Петрович навис над столом —

огромный, грузный, с налитым кровью лицом. И посмотрел на меня.

Этот взгляд.

В детстве он снился мне в кошмарах. Я просыпалась в холодном поту, задыхаясь, чувствуя, как он давит на меня — тяжелый, свинцовый, неумолимый. Не просто взгляд мужчины на женщину, не просто взгляд родственника на сироту. Нет. Это был взгляд хозяина на вещь, которая посмела проявить характер. Огромный булыжник, а не золото, проходил по моему телу, дробя кости, сминая волю, требуя подчинения.

Но в последнее время я перестала его чувствовать.

Это пугало меня больше, чем сама возможность наказания. Когда-то давно, в другой жизни, я прочитала книгу по психологии — тайком, под одеялом, с фонариком, потому что дядя считал подобную литературу «бабской дурью». Там говорилось о пяти стадиях принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Я прошла их все. Отрицание закончилось в четырнадцать, когда я впервые увидела, как дядя убивает человека. Гнев выгорел к шестнадцати. Торг был коротким и бесполезным — небеса не слушали молитв таких, как я. Депрессия растянулась на годы, тусклые и серые, словно затяжная зима.

А теперь наступило принятие. Опустошение. Пустота внутри, которую не заполнить ни страхом, ни надеждой, ни желаниями. Я стала похожа на дом, из которого вынесли всю

мебель — голые стены, эхо шагов и сквозняк, гуляющий по коридорам.

— Ты поедешь с Владимиром, — прорычал дядя, и его голос прозвучал как удар хлыста. — И выберешь кольцо. Сама. Это не просьба.

Я медленно подняла на него глаза. Мои собственные — голубые, как у покойного отца, но лишённые его огня — встретились с его пылающим гневом взглядом. Я не отвела их. Не опустила. Просто смотрела, чувствуя, как в груди медленно проворачивается что-то холодное и острое.

— Как скажете, дядя, — произнесла я тихо.

Это была капитуляция. Но в моем голосе не было страха. Только бесконечная, всепоглощающая усталость. Усталость от борьбы, которую я проиграла задолго до того, как научилась ходить.

Владимир улыбнулся — медленно, удовлетворенно, словно кот, который только что загнал мышь в угол. Его пальцы перестали гладить бокал и вместо этого легли на стол ладонью вниз — тяжелые, сильные пальцы человека, привыкшего брать то, что он хочет.

— Я заеду за тобой в полдень, — сказал он. — И мы выберем самое красивое кольцо, которое ты когда-либо видела.

Я ничего не ответила. Просто сидела, глядя в свою тарелку с нетронутой едой, и думала о том, что самое красивое кольцо в моей жизни — это то, которое я никогда не смогу надеть. Кольцо свободы. А его не продают в ювелирных ма-

газинах. Его вообще не продают. Его отнимают — или дарят те, кто имеет власть.

А у меня власти не было. Не было даже права голоса. Только веревка в воображаемом сарае, который существовал лишь в моем сознании — последнее убежище, последний выход, который я пока не решалась использовать.

Глава 2. Мери

Мы встретились в полдень, как он и обещал. Ровно в двенадцать ноль-ноль его черный «Мерседес» замер у ворот особняка моего дяди, и я, стоя у окна с чашкой остывшего кофе, невольно отметила эту раздражающую точность. Даже секундная стрелка на моих наручных часах, подарке покойной матери, будто издеваясь, замерла на цифре двенадцать, подтверждая его пунктуальность. Я ненавидела его за это. Ненавидела за то, как он заставляет меня ждать, стоя у двери, пока его водитель — а иногда и он сам, если хотел пустить пыль в глаза — открывает дверцу. Ненавидела за то, как он выходит из машины: всегда сначала появляется до блеска начищенный ботинок, затем идеально отглаженная брючина, и только потом он сам, словно актёр на сцену, являет себя миру. Сегодня он был без водителя, что случилось редко и, как я уже успела выучить за эти месяцы нашего фальшивого жениховства, означало, что он собирается говорить о вещах, не предназначенных для посторонних ушей.

Я спустилась по лестнице, чувствуя, как тяжелый взгляд дяди буравит мне спину. Николай стоял в дверях своего кабинета, сжимая в руке стакан с виски, хотя час был ещё совсем ранний, и его молчание было красноречивее любых нотаций. «Не опозорь семью, девочка», — говорил этот взгляд. «Сделай так, как велено. Ты — товар, и срок годности у это-

го товара истекает». Я знала этот монолог наизусть, он звучал в моей голове каждую ночь, и сейчас я просто проигнорировала его, толкнув тяжелую входную дверь и выйдя на слепящее солнце.

Владимир стоял, облокотившись на капот, и лениво курил. Дым тонкой струйкой поднимался в горячем воздухе, искажая его черты. Когда-то, в другой, забытой жизни, я могла бы назвать его красивым. Темные волосы, уложенные гелем назад, тяжелая челюсть, холодные серые глаза, которые ничего не выражали, кроме вежливого, чуть насмешливого интереса. Но сейчас, глядя на него, я чувствовала только тупую, пульсирующую неприязнь где-то под ложечкой.

— Ты пунктуален, — сказала я вместо приветствия, и собственный голос показался мне чужим, скрипучим, как несмазанная петля.

Он улыбнулся, выпустив дым через ноздри. Улыбка не коснулась глаз. Она никогда их не касалась. Он протянул мне руку, и я вложила свои пальцы в его ладонь, затянутую в черную кожу перчаток. Даже сквозь тонкий материал я чувствовала исходящий от него холод. Мы сели в машину, и дорожной запах кожи, смешанный с табачным дымом и его одеколоном, ударил мне в нос. Этот запах теперь навсегда будет ассоциироваться у меня с удушьем.

Как только он вырулил на шоссе, ведущее в центр города, в ювелирный квартал, я откинулась на спинку сиденья и постаралась дышать ровно. В салоне работал кондиционер,

но меня не покидало ощущение, что воздух плотный и спертый. Я отвернулась к окну, наблюдая, как проносятся мимо высоченные кипарисы и вычурные особняки, и решила, что это лучшее время, чтобы попытаться найти хоть что-то хорошее в той бездне, в которую меня толкают. Я начала мысленно составлять список, жалкую попытку самоубеждения, как советовала Даффи. «Собери плюсы, Мер, — шептала она прошлой ночью, забравшись ко мне под одеяло, как мы делали в детстве. — Должен же быть хоть один». Я тогда только фыркнула, но сейчас, отчаянно цепляясь за ускользающее здравомыслие, я попыталась.

Итак. Плюс первый: Пунктуальный. Я покосилась на его профиль. Челюсть крепко сжата, взгляд на дороге, руки на руле лежат идеально ровно, на положенных десяти и двух часах. Он никогда не опаздывает. Никогда не заставляет ждать. Это, безусловно, черта ответственного человека. Но в ту же секунду, как я записала это в воображаемый столбик «рго», мой мозг, привыкший к самоиронии как к защитному механизму, выдал горькое опровержение. Пунктуальность — это прекрасно. Но как, скажите на милость, эта его привычка приходить вовремя поможет мне выжить в нашем браке? Поможет ли мне его точность, когда он будет приходить в спальню ровно в одиннадцать вечера, чтобы исполнить супружеский долг с механической точностью метронома? Спасет ли меня его график от холодного ужаса, который сковывает меня при одной мысли о его прикосновениях? Вряд ли.

Я отмела этот пункт как несостоятельный и ухватила за другой, как утопающий за соломинку.

Плюс второй: Давно знакомы. Мы знаем друг друга с детства. Он был другом моего кузена, который погиб пять лет назад в той дурацкой перестрелке. Я помню его прыщавым подростком, угловатым и молчаливым, который всегда смотрел на меня как-то слишком пристально, даже тогда. Мы росли в одних кругах, дышали одним воздухом — воздухом, пропитанным деньгами, кровью и страхом. Казалось бы, это должно было создать хоть какую-то связь. Но, боже, как это вообще можно отнести к плюсам? Это же минус, огромный, жирный минус! Я знаю о нем достаточно, чтобы не питать иллюзий. Я знаю, что его отец сгноил в тюрьме невинного, чтобы заполучить порт. Я знаю, что сам Владимир, как говорят злые языки, лично задушил свою первую любовь, когда ее семья решила выйти из сделки. Я знаю его жестокость, его холодность, его абсолютную, непоколебимую уверенность в том, что женщины — это расходный материал. Знание в данном случае — не сила. Это проклятие. Я смотрю на него и вижу не мужчину, а приговор, зачитанный мне еще в колыбели. Так что этот пункт летит в мусорную корзину моих тщетных надежд.

Я прокрутила в голове еще несколько возможных вариантов, чувствуя, как нарастает паника. Внешность? Да, он хорош собой, в этом хищном, животном смысле, который заставляет других женщин из наших кругов, таких же пешек,

как и я, завистливо перешептываться за моей спиной. Но я-то знаю, что скрывается за этим лоском. Красивая упаковка для тухлого продукта. Богатство? О, он сказочно богат. Его империя по торговле оружием приносит баснословные прибыли. Но мне от этого богатства не достанется ни цента. Я буду красивой витриной, которую он будет наряжать по своему вкусу, но у меня не будет ни своего счета, ни права голоса. Богатство — это его власть надо мной, а не мой комфорт. Я перебирала эти мысли, как четки, и с каждой новой бусиной понимала, что плюсов больше нет. Чертовски пустой список.

Похоже, это реально всё. Остаются только минусы, и они раздуваются, словно грозовые тучи на горизонте, готовые в любой момент разразиться ливнем. Минус первый: он холоден как айсберг, и я чувствую себя «Титаником», плывущим прямо на него. Минус второй: его властность не знает границ. Минус третий... третий я вспомнила почти сразу, как только он припарковался у «Картье», а сам, бросив мне короткое: «Я сейчас», отошел к группе мужчин в строгих костюмах, стоящих чуть поодаль.

Этот мерзавец оставил меня в магазине совсем одну. Я стояла посреди этого сияющего великолепия, где воздух, казалось, был пропитан запахом отчаяния, упакованного в бархатные коробочки, и чувствовала себя выставленной на аукцион. Нежно розовое платье, которое я заставила себя надеть, внезапно стало слишком узким, впиваясь в ребра. Мои каблукы, казалось, вросли в мраморный пол. Продавцы смот-

рели на меня с подобострастным любопытством, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Я подошла к витрине и сделала вид, что изучаю россыпь бриллиантов, но на самом деле я сквозь стекло наблюдала за ним.

Он стоял ко мне спиной, но я видела, как расслаблены его плечи. С этими мужчинами, деловыми партнерами или подручными, неважно, он чувствовал себя в своей тарелке. Он вальяжно жестикулировал, что-то говорил им. Но что странно, в моменте он напрягся и занервничал. Он оставил меня, свою будущую жену, одну в самый важный, по идее, момент предсвадебной подготовки. Выбор колец — это ведь должен быть какой-никакой ритуал, интимный процесс, где пара, смущаясь и улыбаясь, примеряет символы вечной любви. Но для него это была формальность, еще один пункт в его бесконечном списке дел, строчка между «обсудить поставку груза» и «поужинать с нужным человеком». И он без колебаний перепоручил эту строчку мне. Точнее, просто оставил меня ждать, как оставляют в гардеробе пальто.

«Видимо, так и пройдет наша семейная жизнь», — подумала я, и от этой мысли веселье, горькое и истерическое, подступило к горлу. Я буду обстановкой. Дорогой, эксклюзивной, но обстановкой, которую он может переставлять по своему усмотрению. Он будет приходить и уходить, когда ему вздумается, оставляя меня одну в нашем общем доме, на наших общих приемах, в нашей общей постели. Он будет разговаривать с кем-то по телефону, пока я буду рожать наше-

го ребенка. Он будет обсуждать бизнес на нашем свадебном торте, разрезая его чужими руками. Я всегда буду одна, даже когда он будет рядом.

И тут меня осенило, словно удар тока. А может, это даже к лучшему. Господи, какая же я дура, что не подумала об этом раньше. Моя фантазия, до этого рисовавшая лишь мрачные картины физической близости с нелюбимым мужчиной, внезапно нарисовала другую, куда более привлекательную. Если он будет так пренебрегать мной, если я буду для него лишь галочкой в списке трофеев, то, возможно, он не будет проявлять ко мне... настойчивого интереса. Я смотрела на его широкую спину, обтянутую дорогой тканью пиджака, и молилась всем богам, в которых никогда не верила. Пусть он будет ко мне равнодушен. Пусть его страстью будет власть, деньги, новые сделки. Пусть его любовницей станет его империя. Пусть у него найдутся женщины на стороне, десятки женщин, которые будут утолять его похоть. Я готова делить его с кем угодно, лишь бы он не трогал меня. Лишь бы он оставил меня, как сейчас, одну. В моем одиночестве я обрела неожиданную, извращенную свободу. Мысль о том, что мой долг перед ним может ограничиться лишь присутствием на публике, показалась мне райским спасением. Я смогу выжить. Я смогу читать книги, может быть, даже писать, обустроить свою комнату, свой личный мирок, куда ему не будет хода. Я смогу дышать, если только он будет держаться на расстоянии. И в этом море ужаса эта мысль была единствен-

ным спасательным кругом. Я почти убедила себя в этом, почти успокоилась, когда стеклянная дверь магазина звякнула, и продавец с вымученной улыбкой предложил мне пока что выбрать оправу. Я выбрала самую дешевую на вид, просто чтобы позлить Владимира, когда он узнает цену. Детская, бесполезная месть.

Он вернулся только через полчаса, когда я уже довела консультанта до нервного тика, отвергнув сорок семь предложенных колец. Он вошел, и пространство вокруг него тут же сжалось. Запах табака с улицы смешался с его парфюмом. Он даже не извинился. Просто подошел к витрине, скользнул взглядом по моему лицу, словно проверяя, не растаяла ли я в его отсутствие, и кивнул продавцу. Дальше начался спектакль.

— Совсем скоро я надену на тебя это кольцо, сокровище, — проговорил Владимир противным, слащавым голосом, от которого у меня свело скулы. Он взял из бархатной коробочки массивное кольцо с ослепительным бриллиантом, который выглядел так, будто им можно резать стекло. Он взял мою левую руку, и его пальцы, на удивление горячие после уличной прохлады, сомкнулись на моей ладони, не давая вырвать руку. Он надел кольцо мне на палец. Оно было тяжелым. Чужим. Идеально подошло по размеру, конечно же — видимо, мой дядя предоставил всю необходимую информацию.

О, да. Я смотрела на бриллиантовую каплю, переливаю-

щуюся в искусственном свете, и чувствовала, как к горлу подступает ком размером с этот самый камень. Это именно то, о чем я мечтала. Мечтала, стоя у окна своей спальни и глядя на звезды. Мечтала, листая любовные романы, которые мне приходилось прятать под матрасом. Я мечтала о кольце, надетом с любовью, с дрожью в пальцах, с надеждой во взгляде. А это... это был ошейник. Дорогой, в сотни тысяч долларов, но ошейник.

— Уже совсем скоро, — повторил он, и его большой палец прошелся по моим костяшкам. От этого собственнического, интимного жеста у меня по коже побежали мурашки отвращения. Я посмотрела на него. Он улыбался своей фирменной улыбкой, той, что приводила в трепет его подчиненных и, видимо, должна была очаровывать меня. Но я видела только волка, скалящего зубы.

Я понимала, что должна что-то ответить. Должна изобразить восторг, смущение, благодарность. Моя роль — роль счастливой невесты — требовала этого. Я попыталась выдавить из себя хоть какую-то улыбку, хоть какую-то эмоцию, кроме глубокого, всепоглощающего отчаяния. Я представила лицо Даффи, ее ободряющий взгляд. Я представила смех матери, который помнила так смутно. Я напрягла все мышцы лица, заставляя губы изогнуться. Но получилось нечто среднее между гримасой боли и нервным тиком. Это было настолько жалкое, неестественное зрелище, что продавец, стоящий за прилавком, отвел глаза, делая вид, что протира-

ет идеально чистое стекло. Наверное, он видел сотни таких невест — купленных, запуганных, растоптанных. Владимир тоже заметил мою фальшь, я уверена. В его серых глазах что-то промелькнуло — не гнев, нет, скорее холодное удовлетворение, как у хищника, который видит, что жертва сломлена и не убежит, даже если открыть клетку. Он отпустил мою руку, и кольцо тут же потянуло палец вниз, напоминая о своей тяжести.

Он быстро расплатился — черной картой, без единого взгляда на сумму в чеке, — и мы вышли. На улице меня снова обдало жаром. Мне хотелось сорвать кольцо и швырнуть его в сточную канаву, чтобы вода унесла этот символ моей неволи в темные недра города. Но я не могла. Я сжала руку в кулак, чувствуя, как металл впивается в соседние пальцы.

Владимир начал заводить машину, двигатель заурчал мягко и мощно. Я решила проверить телефон, просто чтобы хоть на минуту сбежать из этой реальности. Достать из сумочки смартфон — это заняло несколько секунд, но это было действием, возвращавшим мне контроль. На экране светилось непрочитанное сообщение от Даффи. Я мысленно поблагодарила ее за идеальное чувство момента.

Даффи: Я хочу приготовить твой любимый лимонный пирог. Ты скоро домой?

Я перечитала сообщение дважды, и на душе немного потеплело. Вот за что я благодарна Даффи, так за то, что она виртуозно владеет искусством задавать вопросы. Она не

спрашивает в лоб: «Ну что, какой ужас он сотворил на этот раз?» или «Ты уже готова наложить на себя руки?». Нет. Она пишет о пироге. О моем любимом лимонном пироге, рецепт которого остался от моей матери и который она готовит только по самым важным, особенным случаям. Или чтобы утешить меня. Лимонный пирог в нашем с ней тайном языке означал: «Я здесь. Я жду. Расскажи мне все, когда будешь готова. Я сгораю от нетерпения и беспокойства, но готова ждать столько, сколько нужно». Я знала, что она, наверное, места себе не находит, меряя шагами нашу комнату и кусая губы до крови. Она сгорает от нетерпения узнать, что же мы делали с Владимиром, какие новые унижения он мне придумал, какое кольцо выбрал, и, самое главное, не пытался ли он... Она панически боялась его близости ко мне, возможно, даже больше, чем я сама.

Мои пальцы быстро забегали по экрану.

Мери: Будем надеяться, что совсем скоро. Жду тебя с пирогом в моей комнате, как вернусь.

Я на секунду задумалась, а потом дописала то, что не требовало шифровки, то, что было единственной чистой правдой во всем этом грязном фарсе:

Мери: Люблю.

Я нажала «отправить» и только собиралась убрать телефон обратно в сумку, как почувствовала это. Тяжелое, липкое ощущение чужого взгляда. Я подняла голову и встретилась глазами с Владимиром. Он не смотрел на дорогу. Он

вообще, казалось, забыл о том, что ведет машину. Его взгляд был прикован ко мне. И в этом взгляде не было ни злости, ни подозрительности, что было бы хоть как-то объяснимо. Там было нечто иное, от чего у меня кровь застыла в жилах. Он буквально раздевал меня взглядом. Медленно, методично. Я физически ощущала, как этот взгляд скользит по моей шее, опускается к ключицам, задерживается на груди, обтянутой тканью платья. Это был взгляд оценщика, который прикидывает стоимость товара, но с животной, голодной искоркой, которую я раньше не замечала. Он смотрел на меня не как на будущую жену, не как на партнера по сделке, а как на вещь, которую он уже почти купил и которую ему не терпится распаковать и попробовать. Все мои надежды на его равнодушие рухнули в один миг.

— С кем переписываешься? — его голос прозвучал вкрадчиво, но с явным приказным оттенком. Он протянул ко мне руку, явно намереваясь взять меня за пальцы или, что хуже, выхватить телефон. Его движения были ленивыми, но точными.

Во мне вскипела волна инстинктивного, животного протеста. Моя переписка с Даффи — это последнее, что у меня осталось, моя личная, неприкосновенная территория. Я не позволю ему заходить туда. Я вырвала руку из его хватки прежде, чем он успел сжать пальцы. Движение было резким, даже грубым. Телефон я прижала к груди, как величайшее сокровище.

— Мы пока даже не обручены, — произнесла я, и мой голос, к моему удивлению, прозвучал почти ровно, с легкой, горькой насмешкой. Я заставила себя поднять на него глаза. — Я имею право не раскрывать данную информацию... сладкий.

Последнее слово я буквально выплюнула, вложив в него всю свою ненависть, превратив ласкательное прозвище в пощечину. Наши взгляды встретились. В его глазах промелькнуло удивление, быстро сменившееся чем-то похожим на уважение. Или на предвкушение. Как у охотника, который увидел, что лань не будет легкой добычей. Это неповиновение его разозлило, но одновременно и раззадорило. Я видела, как дернулся мускул на его челюсти. Он хотел было что-то сказать, но вместо этого медленно, очень медленно кивнул, не разрывая зрительного контакта. Его рука вернулась на руль.

— Конечно, сокровище, — тихо сказал он. — У тебя есть еще две недели на свои маленькие секреты.

Две недели. Этот срок прозвучал как удары колокола на моих похоронах. Владимир снова переключил внимание на дорогу, и машина, слегка вильнув, поехала ровнее. Я смотрела на его руки на руле и не могла отделаться от ощущения, что он только вчера научился водить. Его «Мерседес» вел себя на дороге, как норовистый конь под неумелым седоком. Владимир то слишком резко газовал, отчего меня вжимало в сиденье, то слишком сильно тормозил, так что я чуть не упи-

ралась лбом в бардачок. Один раз, перестраиваясь, он чуть не задел боковое зеркало припаркованного фургона. Я смотрела на все это с мрачным удовлетворением.

Нет, я, конечно, тоже не умею водить машину. Да и де-вушкам нашего общества это не положено — нас возят водители, мы должны изящно выходить из автомобиля, а не разбираться в устройстве карбюратора. Но, наблюдая за его дерганым, нервным стилем вождения, я была уверена — даже я, ни разу в жизни не сидевшая за рулем, справилась бы лучше. Я интуитивно чувствовала ритм дороги, плавность, необходимую для управления такой мощной машиной. А он воевал с ней, подчинял ее грубой силой, и от этого мне было даже смешно. Король подпольного мира не может справиться с коробкой передач. Эта мысль позабавила меня и дала маленькое, крошечное превосходство.

Когда мы наконец-то, после получасового испытания моей нервной системы, въехали в ворота дядиного особняка, я почувствовала такое облегчение, что сама себе удивилась. Это странно. Я никогда не считала этот огромный, холодный особняк с его вечным полумраком и запахом сигар своим домом. Скорее, позолоченной клеткой, из которой меня пересажат в другую. Но именно сейчас, когда колеса зашуршали по гравию подъездной аллеи, а фасад дома с темными, слепыми окнами надвинулся на нас, я ощутила странную, трагическую горечь. Я провожу здесь последние мгновения своей относительной свободы. В этой комнате, где мы шепчемся

с Даффи, я еще могу быть собой. Я могу снять это дурацкое розовое платье, стереть косметику, упасть на кровать и устать в потолок, думая о своем. Совсем скоро я стану женой. Не женщиной, не любимой, а «женой» — должностью с круглосуточным графиком.

Я стану трофейной картинкой, которую он будет выставлять на своих деловых ужинах, чтобы партнеры оценили его вкус и статус. Я буду сидеть на его приемах с натянутой улыбкой, говорить заученные фразы и выглядеть идеально. А потом, когда гости разойдутся, я стану никому не нужной женой, пустым местом в его доме, функцией, которую будут вызывать по звонку. Перед моими глазами пронеслась череда образов, один кошмарнее другого. Я увидела себя в роскошной спальне, на шелковых простынях, под ним. Увидела свой раздутый беременностью живот — первый, второй, третий раз, без остановки, как он и говорил дяде за бокалом бренди: «Наследник и запасной, а там видно будет, это женское дело — рожать». Я увидела свои руки, покрытые старческими пятнами уже в сорок лет, с распухшими от вечной усталости суставами — не от физической работы, а от вынашивания его потомства. Я увидела свое лицо, лишенное всякой индивидуальности, лицо старухи в сорок лет, потому что такой образ жизни выпивает из женщины всю жизнь, оставляя лишь оболочку. Перспективы — просто класс, ничего не скажешь. Блестящее, ослепительное будущее, от которого хочется открыть дверь машины и бежать, бежать куда глаза

глядят, пока колоски не врежутся в босые пятки.

Машина остановилась. Двигатель затих. В наступившей тишине я слышала только стук своего сердца. Я не стала ждать, пока он выйдет и откроет мне дверь. Не стала прощаться или говорить дежурные слова благодарности. Всё равно он пойдет за мной. Я знала это. Уверена, ему обязательно нужно отчитаться перед моим дядей за потраченные на меня два часа. Описать мое поведение, мои «истерики», согласовать дальнейшие шаги по моему укрощению. Для них я — проект, бизнес-актив, и Владимир с Николаем — два менеджера, которые обсуждают состояние инвестиции.

Я толкнула дверцу и, не оглядываясь, быстрым шагом пошла к дому. Мои каблуки звонко цокали по каменным ступеням. Я чувствовала его взгляд спиной, он жег меня, как лазер, но я не обернулась. Распахнув тяжелую дверь, я тут же юркнула в боковой коридор, минуя кабинет дяди, откуда уже доносились голоса и звон бокалов. Я не хотела их видеть. Не хотела участвовать в этом послематчевом анализе.

Я почти бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, насколько позволяло узкое платье. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Только на третьем этаже, в нашем с Даффи крыле, воздух показался мне чуть менее спертым. Я толкнула дверь своей спальни и, ворвавшись внутрь, с силой захлопнула ее за собой, прижавшись спиной к деревянной поверхности, словно боясь, что весь ужас внешнего

мира ворвется за мной.

Даффи уже была тут. Она сидела на моей кровати, поджав под себя ноги, одетая в простые домашние брюки и мою старую рубашку. Ее рыжие волосы были собраны в небрежный пучок, а в руках она нервно теребила край пледа. При звуке открывшейся двери она вскинула голову, и в ее зеленых глазах я прочитала целую бурю эмоций: страх, надежду, нетерпение и огромную, неподдельную любовь.

— Ну что? — спросила Даффи, и ее голос дрогнул. Она подалась вперед, готовая вскочить в любую секунду, чтобы обнять меня или ловить, если я начну падать.

Я отлепилась от двери, чувствуя, как меня бьет нервная дрожь. Я стащила с пальца тяжелое кольцо и, не глядя, бросила его на туалетный столик. Оно звякнуло о стеклянную столешницу, закрутилось волчком и замерло. Я встретила взглядом с Даффи в зеркале. На меня смотрела бледная, измученная девушка с лихорадочно блестящими глазами и растрепавшимися волосами.

— Да ничего, — выдохнула я, и мой голос сорвался на смех, горький и сухой, как осенние листья под ногами. Я повернулась к ней, чувствуя, как предательски начинают дрожать губы. — Выбрали самые отвратительные кольца.

Я увидела, как в глазах Даффи мелькнуло облегчение пополам с еще большим беспокойством. Она встала с кровати и сделала шаг ко мне. Я знала, о чем она сейчас спросит. Не о кольцах. О нем. О том, пытался ли он... о том, что он делал

и говорил. И я знала, что сейчас, в безопасности нашей комнаты, в окружении запаха лимонного пирога, который она, как и обещала, уже принесла и оставила на подоконнике, я наконец смогу выплеснуть все. Всю историю. Всю боль. Весь ужас осознания того, что равнодушие — это был лучший из сценариев, а он не сбудется. Он меня хочет. И от этого осознания моя душа проваливалась в ледяную, беспросветную тьму.

Глава 3. Мери

Даффи не стала ждать, пока я рухну на кровать сама. Она поймала меня за локоть и почти насильно усадила на край матраса, а потом, не говоря ни слова, стащила с моих ног туфли. Те с глухим стуком упали на ковер — одна, вторая. Я смотрела на ее склоненную макушку, на выбившиеся из пучка рыжие пряди, и чувствовала, как ком в горле становится невыносимым. Она всегда так делала. С тех пор как нас, двух осиротевших девчонок, забрал в этот дом дядя. Она брала на себя заботу, когда у меня не оставалось сил даже дышать.

— Рассказывай, — потребовала она, выпрямляясь и упирая руки в бока. Ее зеленые глаза смотрели строго, почти сердито, но я знала этот взгляд. За ним прятался страх. — И не смей отделываться шутками про кольца. Я вижу, что ты белее мела. Что он сделал?

Я открыла рот, но слова застряли. Как объяснить тот липкий ужас, который я испытала в машине? Как описать взгляд Владимира, которым он меня раздевал? Это звучало бы почти безобидно для постороннего человека. Подумаешь, взгляд. Но Даффи не была посторонней. Она знала наш мир. Знала, что такие взгляды обещают.

— Он смотрел на меня, — наконец выдавила я, и голос прозвучал глухо, словно сквозь толщу воды. — В машине. Когда я переписывалась с тобой. Он смотрел так, будто я уже

голая. Будто он уже все решил.

Даффи побледнела. Ее веснушки, разбросанные по переносице, проступили ярче — верный признак того, что она напугана. Она ненавидела Владимира. Это было ясно сразу. Но всегда самая первая шла проверять приехал он или нет.

— Ты же не думаешь, что он... до свадьбы?..

— Нет, — я покачала головой. — Он слишком педантичен, чтобы портить товар до того, как поставит на него свою подпись. Но после, Даффи... После свадьбы он не будет ждать. Я видела это в его глазах. Ему не терпится. Знаешь, как ребенок ждет Рождества, чтобы распаковать подарок.

Меня передернуло от собственных слов. Я стащила с себя розовое платье, не заботясь о том, что дорогая ткань трещит по швам. Оставшись в одном нижнем белье, я прошла бо-сыми ногами к подоконнику, где остывал обещанный пирог. Лимонный запах щекотал ноздри, но вместо голода вызывал только тошноту. Я взяла тарелку просто для того, чтобы чем-то занять руки.

— Он сказал, что у меня есть еще две недели на маленькие секреты, — прошептала я, глядя в темнеющее за окном небо. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая кипарисы в зловещий багровый цвет. — Две недели, Даффи. А потом он захочет знать все. Каждую мысль. Каждое сообщение. Каждую секунду моего времени. Я стану его вещью.

Сзади слышались шаги, и через мгновение Даффи обняла меня со спины, уткнувшись лбом мне в плечо. Мы сто-

или так несколько долгих минут, и я слушала ее дыхание — неровное, сбивчивое, такое же испуганное, как мое собственное. Мы были двумя сиротами, запертыми в золотой клетке, и наш общий страх делал нас сестрами сильнее, чем любое кровное родство. Даффи была дочерью младшей сестры моей матери, но она приходилась такой же обузой, как и я. Две незамужние девки в доме — это две проблемы. Меня он решил сбавить Владимиру. Кто будет следующим покупателем для Даффи, оставалось только гадать. Хотя она и формально считалась служанкой в его доме.

— Мы что-нибудь придумаем, — прошептала она мне в спину, и я почувствовала, как ее пальцы сжались на моих плечах. — Мы всегда что-нибудь придумывали. Помнишь, как мы прятались от гувернантки в подвале? Как стащили у повара целый поднос с канноли и сожрали их на крыше?

Я слабо улыбнулась, хотя она не могла этого видеть. Помню. Мы тогда объелись до колик, а Николай запер нас в комнатах на три дня. Но оно того стоило. Та маленькая победа, тот кусочек свободы — ради такого мы и жили.

— На этот раз подвал не поможет, Дафф, — сказала я, поворачиваясь к ней лицом. — И канноли тоже. Это не гувернантка. Это Владимир Белов. Он не запирает в комнате. Он запирает в браке. И оттуда нет выхода, кроме как вперед ногами. Да ты и сама всё знаешь...

Даффи отстранилась, и я увидела, как в ее глазах загорается что-то опасное. Упрямство. То самое упрямство, ко-

торое в детстве заставляло ее спорить с дядей, несмотря на риск получить пощечину.

— Тогда мы найдем другой выход, — отчеканила она, и ее голос зазвенел сталью. — Я не позволю этому ублюдку сломать тебя. Слышишь, Мери? Я скорее сама задушю его во сне, чем позволю ему...

— Тише! — я зажала ей рот ладонью, испуганно оглядываясь на дверь. Стены в этом особняке имели уши. Прислуга, подкупленная Николаем, шныряла по коридорам, как крысы. — Никогда не говори такого вслух. Никогда. Обещай мне.

Она кивнула, но взгляд ее не смягчился. Я убрала руку и глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Паника и истерика — это роскошь, которую мы не могли себе позволить.

— Ладно, — сказала я, возвращая тарелку с нетронутым пирогом на подоконник. — Давай по порядку. Я расскажу тебе все. Каждую деталь. А потом мы попробуем понять, есть ли в этой ситуации хоть какая-то лазейка.

Мы устроились на кровати, как делали это сотни раз до этого, — плечом к плечу, укрывшись одним пледом. И я начала говорить.

Я описала ей магазин «Картье», продавца с его фальшивой улыбкой, тяжесть кольца на пальце. Рассказала, как Владимир бросил меня одну среди витрин, словно чемодан в камере хранения, и как я в тот момент почти обрадовалась его равнодушию. Даффи слушала молча, только желваки на ску-

лах ходили ходуном.

Потом я перешла к машине. К его взгляду. К тому, как он пытался взять меня за руку, как назвал «сокровищем» этим своим слащавым, ядовитым тоном, от которого хотелось чистить уши. Я рассказала, как вырвала руку, как огрызнулась в ответ, и как он кивнул с этим своим мерзким, оценивающим выражением лица.

— Он не ожидал, что я дам отпор, — призналась я, и впервые за весь вечер в моем голосе проскользнула нотка удовлетворения. — На секунду мне показалось, что я увидела в его глазах что-то похожее на интерес. Не сексуальный, а другой. Как у игрока, который обнаружил, что партия будет не такой скучной, как он думал.

Даффи задумчиво покусала губу.

— Это может сыграть тебе на руку, — медленно проговорила она. — Если ему с тобой не скучно, он, возможно, не захочет сразу тебя сломать. Ему нужен не просто инкубатор для наследников. Ему нужен достойный противник. Трофей, который сопротивляется, ценится выше.

— Или он просто ломает меня быстрее, чтобы доказать, кто здесь главный, — возразила я. — Ты не знаешь его так, как знаю я. Мой кузен рассказывал истории. Однажды Владимир поспорил с одним человеком из своей охраны. Тот сказал, что сможет обогнать его на стрельбище. Знаешь, что сделал Владимир? Он не стал с ним соревноваться. Он прострелил ему колено на следующий день. Просто чтобы пока-

зять, что он не играет в игры. Он их заканчивает.

Даффи вздрогнула, но не отвела взгляда.

— И все же, — сказала она, — это хоть что-то. Хотя какая-то информация. Ты говорила, что он плохо водит машину. Это тоже деталь. Он не такой всемогущий, каким хочет казаться. У него есть слабости. Нужно только их найти.

Я горько усмехнулась. Моя кухня, моя дорогая, наивная Даффи. Она все еще верила, что из этой западни можно найти выход. Но я не стала разрушать ее надежду. В конце концов, это единственное, что у нас оставалось.

— Есть еще кое-что, — сказала я после паузы. — Сегодня, когда я вернулась, дядя был в кабинете с кем-то. Я слышала голоса. Мужские. Один из них был мне незнаком.

Даффи напряглась.

— Ты думаешь, это связано со свадьбой?

— Не знаю. Но он в последние дни сам не свой. Он пьет больше обычного и постоянно говорит по телефону за закрытыми дверями. Что-то происходит, Даффи. Что-то, о чем нам не говорят.

Мы замолчали, и тишина в комнате стала почти осязаемой. За окном окончательно стемнело, и длинные тени от кипарисов поползли по стенам, словно пальцы скелетов. Я смотрела на кольцо, которое все еще валялось на туалетном столике, и думала о том, что время утекает сквозь пальцы, как песок. Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. А потом моя жизнь перестанет быть моей.

— Знаешь, что самое страшное? — прошептала я, и Даффи повернулась ко мне. — Я начинаю его ненавидеть. Не просто бояться или презирать. А ненавидеть так, как никогда никого не ненавидела. И эта ненависть растет во мне, как опухоль. Я боюсь, что однажды она вырвется наружу, и тогда я сделаю что-то такое, что погубит нас обоих.

Даффи взяла мою руку и крепко сжала.

— Тогда мы будем ненавидеть его вместе, — сказала она, и ее голос прозвучал как клятва. — И когда придет время действовать, мы будем готовы.

Я кивнула, хотя сама не знала, верю ли в это. Где-то внизу хлопнула входная дверь, и мужские голоса наполнили холл. Владимир, судя по всему, закончил свой отчет перед дядей и уезжал. Я представила, как он садится в свой черный «Мерседес», как неумело выруливает с подъездной дорожки, как едет в свой роскошный особняк на другом конце города — в дом, который через две недели должен стать моей тюрьмой. И где-то в глубине души, в самом темном ее уголке, я пожелала ему не доехать. Пожелала, чтобы его драгоценная машина встретила с деревом или фонарным столбом, чтобы все мои проблемы решились одним ударом. Это было подло, трусливо и недостойно. Но я ничего не могла с собой поделать.

Даффи, словно прочитав мои мысли, слегка толкнула меня плечом.

— Прекрати, — шепнула она. — Не трать на него свою

энергию. Давай лучше съедем наконец этот пирог, а то я старалась, между прочим. И расскажи мне подробнее про кольцо. Оно действительно такое уродливое, как ты говоришь?

Я невольно рассмеялась — впервые за этот бесконечно длинный день. Мы взяли пирог, две вилки и забрались с ногами на кровать. И пока я жевала рассыпчатое тесто с кисло-сладкой лимонной начинкой, пока слушала болтовню Даффи о том, что она видела новое платье у портнихи и что кухарка снова поругалась с дворецким, я почти забыла о том, что ждет меня впереди. Почти. Потому что даже за смехом, даже за уютом нашей общей комнаты, даже за вкусом маминного лимонного пирога таилась темнота. И она ждала своего часа.

Глава 4. Данте

Улица дышала полуденным зноем, но я не чувствовал жары. Я вообще редко что-то чувствовал — эта способность атрофировалась много лет назад, выжженная необходимостью убивать, пытать и принимать решения, от которых зависели жизни сотен людей. Мой мир был выстроен на крови и стали, на жесткой иерархии и незыблемых правилах, нарушение которых каралось смертью. И когда я увидел его — стоящего посреди тротуара с самодовольной ухмылкой, — что-то внутри меня опасно щелкнуло.

— Данте, Маттео, вот так встреча.

Владимир рассмеялся, и этот смех был похож на скрежет ржавого металла — ехидный, липкий, пропитанный фальшивым дружелюбием. Он стоял, расставив ноги и засунув руки в карманы дорогого, но безвкусного пиджака, и смотрел на нас так, словно мы были его давними приятелями, а не деловыми партнерами поневоле. Владимир был мелкой рыбой — ничтожной, суетливой, той самой, что вечно крутится у поверхности, подбирая крохи с чужого стола. Мы редко имели дела с русскими. Слишком много проблем, слишком мало чести. Они любили воровать чужой товар, переписывать соглашения задним числом и решать вопросы не пулей, а грязным ножом в спину.

Но в силу последних событий на Сицилии — предатель-

ства, вспыхнувшего в самом сердце нашей организации, — нам приходилось работать с такими отбросами, как он. Временный союз. Необходимое зло. Я напоминал себе об этом каждое утро, глядя в зеркало, и каждое утро мое отражение смотрело на меня с холодным презрением.

— Что ты забыл на моей территории? — произнес я, и мой голос прозвучал ровно, почти расслабленно. Именно таким тоном я говорил перед тем, как спустить курок. Спокойствие было моим главным оружием — обманчивым, усыпляющим бдительность.

Не так давно мы установили четкие правила. Выезд на чужие территории осуществлялся только по острым, документально подтвержденным причинам и с согласия всех сторон. Это была моя инициатива, мой приказ, и я лично проследил за тем, чтобы он был доведен до каждого солдата, до каждого капо, до каждого союзника. Просьбу на сегодняшний выезд я, естественно, никому не давал. Владимир нарушил правило, и мое терпение уже начинало истончаться, словно нить, натянутая до предела.

Но вместо ответа Владимир кивнул куда-то в сторону. В сторону ювелирного магазина, витрины которого сверкали на солнце бриллиантами и золотом.

И тогда я увидел ее.

Девушка стояла у входа, застыв, словно статуя. Хрупкая. Болезненно хрупкая — такая, что, казалось, сильный порыв ветра мог сломать ее пополам. Тонкие запястья, острые

ключицы, выглядывающие из выреза платья, изящный изгиб шеи. И платье. Неприлично розовое, до тошноты невинное, облегающее каждый изгиб ее тела с такой откровенностью, что я на мгновение задержал на ней взгляд дольше, чем следовало.

Красивая. Этого я отрицать не мог.

Но красивых женщин в моей жизни было достаточно. Они приходили и уходили — безликие, покорные, готовые на все ради близости к власти. Я брал то, что они предлагали, и забывал их имена еще до того, как закрывалась дверь. Эта девушка была очередной хорошенькой мордашкой — возможно, чуть более интересной, чем остальные, но не более того.

Хотя что-то в ней все же цепляло. Что-то неуловимое, неправильное. Я скользнул по ней взглядом еще раз — быстрее, чем моргают, — и заметил то, что упустил в первую секунду. Ее глаза. Огромные, небесно голубые, пустые. В них не было ни страха, ни любопытства, ни жадного желания понравиться. Только глухая, бесконечная пустота, от которой у меня на мгновение свело челюсти.

Я отвернулся.

— Это Мери, — голос Владимира ворвался в мои мысли, словно грязный сапог в чистую воду. Он произнес ее имя с восхищением и гордостью, с этим мерзким собственническим самодовольством, от которого у меня дернулся уголок рта. — Мери Волкова. Моя невеста.

— Ну, ничего такая, — хмыкнул Маттео, не отрываясь от

пакетика с фисташками.

Я промолчал. Мое внимание уже вернулось к делу. Владимир нарушил протокол — приехал на мою территорию без предупреждения, без согласования, без уважительной причины, если не считать таковой поход в ювелирный за кольцом для своей малолетней невесты. Это было наглостью, которую следовало пресечь немедленно, пока остальные союзники не решили, что правила для них больше не писаны.

— Завтра помолвка, — продолжал Владимир, и каждое его слово было пропитано самодовольством. — Вы приглашены.

— Как дела с поставками? — перебил я, не скрывая раздражения.

Новая партия оружия должна была прибыть из Восточной Европы через порт в Неаполе. Двадцать контейнеров, задекларированных как сельскохозяйственное оборудование. Маршрут согласован, таможня куплена, люди расставлены. Оставалось только дожидаться отгрузки. Владимир отвечал за транзит через территорию Польши, и от его расторопности зависело, получим ли мы товар в срок или придется объяснять заказчикам, почему их автоматы застряли на границе.

— Пока не знаю, завтра расскажу, сам понимаешь, — Владимир пожал плечами с тем раздражающим легкомыслием, которое было свойственно людям, никогда не отвечавшим за свои ошибки головой.

— Не «завтра расскажу», а сегодня к вечеру пришьлешь

полный отчет, — произнес я ледяным тоном. — Если товар не пересечет границу в оговоренные сроки, все издержки лягут на тебя. И я не говорю о деньгах.

Владимир побледнел. Его ухмылка сползла с лица, обнажив то, что скрывалось под ней — трусость, мелкую, липкую, животную. Он закивал, рассыпаясь в заверениях, что все будет сделано, что проблемы исключены, что его люди уже работают. Я слушал его вполуха, размышляя о другом.

Склад в Бриндизи требовал расширения. Восемьсот квадратных метров уже не справлялись с объемами, которые мы прогоняли через южную Италию. Нужен был новый объект — желательно ближе к порту, с подъездными путями для грузовиков и подвалом, который можно переоборудовать под длительное хранение. Марко нашел два подходящих варианта. Один — бывший рыбный завод, стоящий в промзоне с удобным выездом на трассу. Второй — складское помещение в самом порту, дороже, но с прямым доступом к докам. Оба требовали вложений, и оба стоили того.

Плюс счета за прошлый месяц. Три ресторана, два клуба, сеть автомоек — все это приносило стабильный доход, но требовало внимания. Бухгалтерия еще не была готова, а я не любил откладывать финансы в долгий ящик. Деньги любят порядок. Хаос в цифрах — первый признак надвигающегося краха.

Я уже собирался развернуться к машине, когда снова почувствовал на себе взгляд.

Мери Волкова смотрела на меня. Прямо, не отводя глаз, с каким-то странным, почти вызывающим спокойствием. Это длилось не больше пары секунд, но за это время я успел передумать трижды. В ее взгляде было что-то, чего я не мог назвать. Не интерес. Не страх. Не женское кокетство, к которому я давно привык. Это было... распознавание. Как будто она увидела во мне что-то знакомое, что-то, что знала слишком хорошо.

Я сел в машину и захлопнул дверцу. Стекло отрезало меня от улицы, от Владимира, от нее.

— Странная девица, — заметил Маттео, когда мы тронулись. — Слишком тихая. И глаза у нее, как удохлой рыбы.

Я не ответил. Открыл планшет, пролистывая сводки за день. Поставки из Бриндизи, счета из Неаполя, отчет от капо из Палермо. Цифры, цифры, цифры. Единственный язык, который не лгал.

Через час на моем столе лежала папка.

Я не просил ее приносить. Не отдавал приказа, не звонил своим людям, не произносил ни слова. Но она появилась — тонкая, кожаная, с золотым тиснением в углу. Мои люди знали свою работу. Они всегда знали, что мне нужно, еще до того, как я сам это осознавал. Если бы я был человеком, склонным к сантиментам, я бы, возможно, умилился такой расторопности.

Я открыл папку без особого интереса. Скорее по привычке — информация была моей валютой, моим оружием,

моим щитом. Мери Волкова, восемнадцать лет, родилась в Москве, в семье Волковых. Отец — Сергей Волков, убит при невыясненных обстоятельствах, когда девочке было двенадцать. Мать — Елена Волкова, умерла от сердечной недостаточности через год после смерти мужа. С тех пор девочка жила с дядей, Николаем Петровичем Волковым, который получил полную опеку и, как следовало из документов, распоряжался ею по своему усмотрению.

Я пролистал страницы. Ничего. Ни скандалов, ни любовников, ни тайных пороков. Она не училась в университете, не работала, не вела социальные сети, не посещала клубы. Ее жизнь проходила за высоким забором особняка Волковых, под круглосуточной охраной, в полной изоляции от внешнего мира. Все фотографии в папке были сделаны издалека, через решетку забора, сквозь листву деревьев. Мери, читающая книгу на скамейке. Мери, гуляющая по аллее. Мери, стоящая у окна своей спальни в восточном крыле — самом дальнем, самом изолированном.

Я закрыл папку.

Все ясно. Очередная пленница в золотой клетке, которую выдают замуж по расчету, чтобы укрепить союз или погасить долг. Обычная история для русских. Они всегда относились к женщинам, как к движимому имуществу — продавали, обменивали, использовали. Владимир получает красивую игрушку, дядя получает выгодного союзника, а сама девушка...

А сама девушка получает очередную клетку, только с дру-

гим адресом.

Мне было плевать. По-настоящему плевать. Таких историй я видел сотни, если не тысячи. Мафия не детский сад, и я не был рыцарем в сияющих доспехах, который спасает принцесс из башен. Если она не сумела вырваться из-под опеки дяди, это ее проблема. Если она покорно идет под венец с Владимиром, это ее выбор. Я не занимался благотворительностью.

Но что-то не давало мне просто отложить папку и забыть о ее существовании.

Я снова открыл ее. Нашел фотографию, на которой Мери стояла у окна — та самая, первая. Солнечный свет падал на ее лицо, подсвечивая нежную кожу, и на мгновение мне показалось, что я смотрю не на фотографию, а на картину эпохи Возрождения. Мадонна. Святая, спустившаяся с небес в этот грязный, жестокий мир.

Чушь. Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Недосып. Усталость. Слишком много работы за последние недели. Мой мозг просто искал разрядку, а эта девчонка оказалась достаточно необычной, чтобы зацепиться за уставшее внимание. Не более того.

Я задвинул папку в ящик стола и вернулся к цифрам.

Вечером позвонил Марко. Поставка из Варшавы вышла с задержкой на четыре часа — польская таможня вдруг проявила бдительность, которой от них никто не ждал. Пришлось задействовать резервный канал и доплатить за «уско-

ренное оформление». Груз уже в пути, ориентировочное прибытие в Неаполь — послезавтра утром. Я выслушал отчет, отдал распоряжения и налил себе виски.

Завтрашняя помолвка была лишней тратой времени. С Владимиром нужно было решить вопрос по поставкам, и решить его лично — этот слизняк умел уходить от ответа по телефону, виляя и прикрываясь обстоятельствами. Придется ловить его на его же территории, среди его же людей, где он будет чувствовать себя в безопасности. Достаточно безопасно, чтобы потерять бдительность.

Я допил виски и поднялся в спальню.

Мысль о Мери Волковой мелькнула где-то на периферии сознания — бледное пятно, тень, случайный образ. Я отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Таких, как она, — пруд пруди. Хрупкие куклы с пустыми глазами, которых ломали еще до того, как они успевали понять, что с ними происходит. Она — не мое дело.

Но ночью мне снилось чертово розовое платье. И глаза. Эти чертовы глаза, в которых не было ничего, кроме пустоты.

Я проснулся в четыре утра с твердым решением: никаких сантиментов. Завтра я поеду на эту помолвку, решу вопрос с поставками, засвидетельствую почтение русским и уеду. Мери Волкова станет женой Владимира, и я забуду о ее существовании раньше, чем дверь закроется за моей спиной.

Все просто. Все по плану.

Ровно до того момента, как я снова ее увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.